

С.В. Журавлёв, Ю. Гронов. Мода по плану: история моды и моделирования одежды в СССР, 1917–1991

Становление и развитие советской моды в последние несколько десятилетий привлекает всё большее внимание не только историков, но и социологов, искусствоведов, специалистов по истории технологий и маркетинга. Это не удивительно: мода сама по себе кажется идеальным объектом междисциплинарного исследования, рассмотрение же её в контексте советской культуры и плановой экономики открывает перед исследователями множество дополнительных увлекательных и неожиданных перспектив. Как функционировал этот типичный рыночный институт в условиях социалистического планового хозяйства? Как отражались на сфере производства и потребления модной одежды сдвиги в советской массовой культуре и в культурной политике власти? Развивалась ли мода в СССР в соответствии с общемировыми тенденциями или по своим собственным законам? Подобные вопросы ещё долго будут привлекать исследователей.

На этом фоне монография доктора исторических наук, главного научного сотрудника Института российской истории РАН С.В. Журавлёва и профессора социологии Уппсальского университета Ю. Гронова¹ уже вызвала большой интерес специалистов и острые дискуссии. В обсуждении книги приняли участие Ю.В. Градскова (университет Сёдерторна, Стокгольм, Швеция), Ю.Б. Демиденко (Государственный музей истории Санкт-Петербурга), О.Г. Жукова (Московский гуманитарный университет), Л. Захарова (Высшая школа социальных наук, Париж, Франция), Н.Б. Лебина (Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва), А. Тихомирова (Билефельдский университет, Германия).

Лариса Захарова: Советская мода как индустрия

Larissa Zakharova (École des Hautes Études en Sciences Sociales, Paris, France): Soviet fashion as an industry

То, что словосочетание «советская мода» не является оксюмороном, теперь мало у кого вызывает сомнения. Но как писать историю этого явления? Области специализации авторов обсуждаемой нами книги историка С.В. Журавлёва и социолога Ю. Гронова позволяют предположить, что их исследование основано на междисциплинарном подходе, проявляющемся, например, в анализе документов советского времени и в интервью с модельерами с позиций социологических теорий – от Г. Зиммеля, Г. Спенсера и Г. Тарда до П. Бурдьё. Работали ли механизмы социальной дистинкции в советском обществе, а если работали, то какова в них была роль моды? Насколько через неё можно понять специфику социальной дифференциации социалистического общества в сравнении с за-

---

¹ Журавлёв С.В., Гронов Ю. Мода по плану: история моды и моделирования одежды в СССР, 1917–1991. М.: Институт российской истории РАН, 2013. 496 с.

падными странами? Но несмотря на упоминание теории модерности Зиммеля в первой главе книги, посвященной историографии, эти вопросы практически остаются за рамками монографии. Авторы в основном ограничились анализом того, как функционировали в СССР различные учреждения, занимавшиеся моделированием одежды и какие дискуссии о моде разворачивались в советском обществе. Только в последней главе, посвященной потребительской революции, упоминаются социологические обследования 1980-х гг., выявившие отличия в критериях выбора одежды между представителями разных поколений.

Можно ли изучать моду только на уровне создания моделей профессионалами, исключив социологию потребления одежды? Вполне. Этот подход даже можно назвать традиционным в истории моды². Однако авторы книги «Мода по плану» в отличие от других историков не интересуются силуэтами, сменой линий и тенденций в моде. Специфика богатых бюрократических архивных материалов из фондов моделирующих организаций, использованных в книге, в определённой мере объясняет оригинальность их подхода: если Дж. Бартлетт³ анализировала тенденции моды на основе журналов, а не архивов, то Журавлёв и Гронов переключили внимание на то, как работали в системе моделирования экономические рычаги.

Этот сюжет уже анализировался историками, в частности, в контексте восточногерманской⁴ и советской моды⁵. Так, автор этих строк на примере стенограмм заседаний художественного совета Ленинградского Дома моделей одежды и фондов торговых организаций (таких как ГУМ и ЦУМ) установила, что разница в интересах и мотивациях модельеров, представителей торговли и фабрик оказывалась препятствием для проникновения модных силуэтов на фабрики и в магазины в 1950–1960-е гг. Однако обсуждаемая монография представила читателю более полную картину советской системы моделирования. Речь в ней идет о противоборстве двух тенденций: 1) централизаторской, в рамках которой советская мода должна была создаваться в Москве и распространяться отсюда на всю страну благодаря усилиям Общесоюзного Дома моделей одежды (ОДМО) и Всесоюзного института ассортимента изделий лёгкой промышленности и культуры одежды (ВИАЛЕГПРОМ – его фонд, находящийся в Самаре, к слову сказать, так и остался неиспользованным), и 2) ведомственной, в соответствии с которой независимые друг от друга моделирующие организации существовали при разных министерствах (лёгкой промышленности, бытового обслуживания, торговли и местной промышленности) и производили каждая «свою моду».

Авторы предлагают две гипотезы для интерпретации деятельности этих учреждений: параллелизм и конкуренция. В пользу второй говорят многие факторы, особенно изложенные в главе «Модельеры за работой: создание моды на микроуровне», где конкуренция видна не только между инстанциями (например, между Отделом мод ГУМа и Домами моделей – за внедрение их творчес-

---

² См., например: *Lehnert G. Histoire de la mode au XXe siècle. Paris, 2000; Strijenova T. La mode en Union Soviétique. 1917–1945 (Soviet costume and textiles). Paris, 1991; Васильев А. Русская мода. 150 лет в фотографиях. М., 2004.*

³ *Бартлетт Дж. FashionEast: призрак, бродивший по Восточной Европе. М., 2011.*

⁴ *Stitzel J. Fashioning Socialism. Clothing, Politics and Consumer Culture in East Germany. Oxford, 2005.*

⁵ *Захарова Л. Советская мода 1950–60-х годов: политика, экономика, повседневность // Теория моды: Одежда, Тело, Культура. 2007. № 3. С. 55–81; Zakharova L. S'habiller à la soviétique. La mode et le Dégel en URSS. P., 2011.*

ких предложений на фабриках), но и внутри инстанций (скажем, между Отделом мод и Ателье мод ГУМа). В этом смысле книга вносит большой вклад в дебаты об эволюции советской экономической системы, так как показывает, что феномен конкуренции не был чужд плановой экономике и в его основе лежало стремление к рентабельности. Следствием конкуренции была, например, перестройка организационной структуры учреждений: так как Отдел мод ГУМа не выдержал конкуренции с ОДМО в попытках сотрудничества с фабриками, его «техгруппа введения» была ликвидирована в начале 1970-х гг. Требование рентабельности ставило модельеров некоторых организаций, например того же Отдела мод ГУМа, в уникальную ситуацию: они должны были стимулировать продажу не пользующихся спросом тканей, предлагая модели из них для публичных показов в универмаге. В отличие от западных стран, где творчество кутюрье было неразрывно связано с инновациями в области текстиля, в СССР модельеры были вынуждены не только адаптироваться к ассортименту производимых тканей, но и создавать одежду в первую очередь из самых устаревших. Парадоксальность экономических механизмов приводила к тому, что шитые Отделом мод ГУМа в единственном экземпляре модели стоили меньше, чем одежда промышленного производства.

Однако, чтобы понять, насколько конкуренция между инстанциями могла способствовать общей динамике системы, авторам книги следовало уделить внимание самим тенденциям моды. Было бы интересно в разрезе нескольких выборочных лет сравнить модели и силуэты, предложенные республиканскими и региональными Домами моделей Минлегпрома, Домами мод Минбыта, ателье индпошива и модельерами крупных швейных фабрик с тем, чтобы понять, как проявлялась конкуренция (и существовала ли она) между этими учреждениями с точки зрения модных тенденций. Насколько, скажем, в 1970 г. силуэты Барнаула отличались от силуэтов Горького? Экономика моды проявляется, в частности, в ритме смены силуэтов. Был ли этот ритм схож для всех моделирующих организаций и насколько он отличался от ритма западной моды?

Материалы Ленинградского Дома моделей одежды показывают, как модельеры учитывали экономические ограничения в осуществлении своих замыслов. Так, они предлагали наряду с «перспективными» (ориентированными на будущее и на индивидуальный пошив) и «переходящие» модели (т.е. продолжающие тенденции предыдущей коллекции). Последние были более востребованы фабриками, которые не желали перестраивать конвейерное производство из соображений выполнения плана. Эта же вариативность ритмов прослеживается и по статьям модельеров в советских журналах мод⁶. Авторы упоминали «постоянные» модели, которые Отдел мод ГУМа сохранял по требованиям дирекции магазина, а также рассматривали предложения экономистов о способах регулирования ритма советской моды. Рекомендации ОДМО и ВИАЛЕГПРОМа для моделирующих организаций и промышленности должны были играть унифицирующую роль и задавать единый ритм. Но как справедливо замечают авторы книги, эти рекомендации не всегда соблюдались, а Отдел мод ГУМа стали приглашать на методические совещания ОДМО только с середины 1960-х гг.

В книге речь идёт о «двух модах»: создаваемой учреждениями системы моделирования и производимой на швейных фабриках. Но можно ли свести к

---

⁶ Zakharova L. Op. cit.

одной моде творчество столь разных структур, как Дома моделей, отделы мод, ателье при крупных универмагах и в системе Министерства бытового обслуживания? Была ли одежда, производимая на советских швейных фабриках, настолько однообразна и одинакова по качеству, что составляла другую единую моду, и можно ли назвать продукцию швейных фабрик модной?

В целом, что означала «мода по плану»? Как часто она могла меняться в рамках социалистической экономики? Частичный ответ на этот вопрос позволяют дать анализ процедуры установления цен на фабриках и её реформы в 1970-е гг., крайне ограниченного выбора тканей в текстильной промышленности и перебоев в снабжении, мешавших модельерам радикально менять силуэты. По сути, книгу следовало бы назвать «Моделирование по плану», что больше соответствует содержанию. Количество закройщиков и моделей, выпускаемых той или иной структурой, мало что говорит о различиях в понимании модельерами того, что именно можно назвать модой. Во всех публикациях советской эпохи фигурируют клише о «практичной, функциональной, но в то же время изящной» одежде, об «утилитарной» моде. Но они могли использоваться для оправдания самых разнообразных коллекций, в том числе имитировавших западные силуэты. Так было в случае с линией «трапеция» Ива Сен-Лорана 1958 г., когда советские модельеры в ответ на обвинения в копировании ответили, что вдохновением для них послужил русский сарафан⁷. Как объяснить присутствие в советской классификации одежды такой «западной» категории, как «вечерние платья»? Декларируемые в контексте холодной войны по идеологическим причинам «принципиальные отличия» советской моды от западной не всегда соответствовали содержанию коллекций. Не случайно рубеж 1960–1970-х гг. стал «поворотным моментом в либерализации норм советской культуры одежды»: сказались отголоски событий мая 1968 г. в Европе. Советские модельеры выполняли, таким образом, важную функцию медиаторов при проникновении западных тенденций в СССР.

Авторы приходят к выводу, что мода начала играть важную роль в практиках потребления с 1960–1970-х гг. Их позиция в отношении предыдущих периодов резюмируется в виде следующих обобщений: «При покупке в магазине большинство потребителей отдавали предпочтение добротности и носкости вещи, хотя модность и эстетические свойства тоже были важны» (с. 76, о межвоенном периоде); «большинство людей, с одной стороны, по-прежнему продолжали обращать внимание на добротность и практичность вещи, но одновременно они уже не желали покупать одежду некрасивую или вышедшую из моды» (с. 249, о послевоенном периоде). Кроме видимого отсутствия радикальных изменений между двумя периодами, возникает вопрос о смысле подобных обобщений. Мне кажется, важнее понять, какие покупатели предпочитали «добротность», а какие «модность» и от чего это зависело.

Бюджетные обследования, проводившиеся ЦСУ в 1950–1960-х гг., и интервью с потребителями показывают, что между уровнем дохода и стремлением следить за модой не существовало прямой зависимости. Вариативность стоимости разных способов производства одежды позволяла потребителям с разными доходами, принадлежавшими к одному поколению, выражать свои пристрастия в сфере культуры потребления. Финансово обеспеченные потребители при выборе одежды не обязательно руководствовались критерием ак-

---

⁷ Ibid.

туальности силуэта. Они также могли покупать вышедшую из моды одежду или заказывать в ателье на протяжении многих лет одно и то же платье, тогда как потребитель с ограниченными ресурсами мог использовать самую дешевую практику снабжения себя одеждой – домашний пошив – с использованием выкроек из журналов мод. В последней главе авторы справедливо заметили, что этот способ самоснабжения одеждой позволял малобюджетным семьям не отставать от моды вплоть до 1970-х гг.

Однако использование выкроек не всегда свидетельствовало об интересе потребителя к «последним новинкам». Дефицитные западные журналы, привезенные родственниками или знакомыми, или полюбившиеся учебники кройки и шитья для некоторых становились источником идей о «непреходящей моде», так как их выкройки использовались на протяжении многих лет⁸. Поэтому аргумент авторов о том, что процессы урбанизации объясняют увеличение числа потребителей модной продукции, кажется не совсем убедительным. С одной стороны, процессы урбанизации приводили и к проникновению «деревенской» культуры в города. С другой – дебаты о легитимности моды в рамках социалистического общества и плановой экономики продолжались вплоть до середины 1960-х гг., и многие горожане пренебрегали модой.

Также трудно согласиться с идеей о «более чем терпимом отношении власти к индивидуальной трудовой деятельности (без найма рабочей силы) частных портных на дому» (с. 513). Государство боролось с частниками двумя путями. Во-первых, статья 99 УК РСФСР «о занятиях запрещенными промыслами» предусматривала наказание лишением свободы до двух лет частникам за пошив одежды на дому с коммерческими целями⁹. Материалы судов и прокуратуры показывают, что эта статья применялась при каждом удобном случае (когда частных портных удавалось поймать с поличным). Во-вторых, власти пристально наблюдали за поведением населения с помощью бюджетных обследований. В результате их обработки статистиками выявлялись причины, по которым потребители предпочитали обращаться к частным лицам вместо заказа одежды в ателье. Слишком большие очереди, длительные сроки изготовления одежды, высокие цены и неудобные часы работы ателье перечислялись как недостатки системы индпошива. Разные компетентные инстанции учитывали эти результаты и пытались улучшить её работу, изменяя часы работы ателье, увеличивая их сеть, используя полуфабрикаты (что позволяло ускорить изготовление заказов) и т.д. В результате конкуренции между государственными и частными структурами в Ленинграде, например, в начале 1960-х гг. количество заказов одежды у частных снизилось, а в ателье – увеличилось¹⁰.

Если в книге нужно найти недостаток, то им можно считать многочисленные оценочные суждения и проявления эстетических пристрастий авторов. Наиболее распространенными из них являются прилагательные «красивый» (об одежде) и «талантливый» (о модельерах). Когда авторы пишут об «одежде из простых материалов, но не лишенной эстетической привлекательности» (с. 69), «вполне приличной и даже модных фасонов» (с. 90), о «неплохих моделях» (с. 282) или о новых моделях обуви, которые «по крайней мере, на фотогра-

⁸ Ibid.

⁹ Уголовный кодекс РСФСР. Официальный текст с изменениями и дополнениями на 1 марта 1957 года и с приложением постатейно систематизированных материалов. М., 1957. С. 59, 184.

¹⁰ См., например: Центральный государственный архив Санкт-Петербурга, ф. 4965, оп. 6, д. 1842, л. 11–126.

фии выглядят вполне современно» (с. 262), то возникает впечатление, что они мысленно примеряют это на себя (или на своих близких). Между тем критерии «приличности» и соответствия моде зависят не только от эпохи и региона, но и от социальной принадлежности, не говоря уже об эстетических оценках, которые не могут быть универсальными. Да и идея о том, что «человеческая природа тянется к прекрасному и разнообразному и не так-то легко её победить» (с. 73), может быть подвергнута сомнению, так как эстетические предпочтения людей формируются в процессе социализации и ничего «природного» в них нет.

Вместе с тем, несмотря на достаточно нормативный взгляд, книга ставит важные вопросы об эволюции советской системы и о роли индивидуализации в ней, которые приглашают к дальнейшим дискуссиям.

Наталья Лебина: Советский Союз как современное общество: взгляд сквозь призму моды

Natalia Lebina (D.S. Likhachev Russian Research Institute of Cultural and National Heritage): Soviet Union as a modern society: A view in the light of the fashion

Я хотела бы сосредоточить внимание в основном на теоретико-методологических аспектах книги «Мода по плану», которые, на мой взгляд, заслуживают особого внимания. Представляется, что авторам удалось наконец преодолеть предубеждение многих историков по отношению к социальной теории. Она, конечно, не в силах описать многообразие исторического процесса, но вполне способна предоставить ориентиры направленного изучения прошлого, а также облегчить концептуализацию исторического исследовательского текста. Ведь в противном случае, по выражению петербургского исследователя М.М. Крома, «история быта сведётся опять к описательности, к импрессионистическим картинкам или к механической сумме отдельных явлений той или иной эпохи»¹¹.

Авторы обсуждаемой книги считают наиболее предпочтительными для создания текста о моде и моделировании одежды в СССР концептуальные положения Г. Зиммеля о «генерализации» и «индивидуализации» – двух основных антагонистических принципах, «которые сосуществуют в современном обществе» (с. 49). Авторы небезосновательно утверждают, что в СССР начиная со времени оттепели становилось очевидным подмеченное Зиммелем противоречие между «генерализацией» и «индивидуализацией» вкуса. Журавлёв и Гронов связывают это обстоятельство с постепенным насыщением рынка товарами, удовлетворявшими элементарные потребности населения. В такой ситуации, как следует из построений авторов книги, те или иные предметы одежды начинают превращаться в «средство (само)идентификации индивидуума». И происходит это в СССР лишь в 1960-х гг. На мой взгляд, подобная позиция изначально неверна и явно принижает значимость зиммелевских идей, вполне «работающих» и на материале 1920–1950-х гг. В условиях сельской повседневности, несмотря на материальные трудности, уже в то время существовали традиции щегольства – особого платка, кофточка, которую надевали на праздник, даже предметов нижнего белья, например, городских с пояском подвязок для

---

¹¹ Кром М.М. Повседневность как предмет исторического исследования // История повседневности: Сборник научных работ. СПб., 2003. С. 11.